

БОЕВОЙ ПУТЬ ВДВ

Боевое крещение советские ВДВ получили осенью 1939 года, когда в составе вновь образованных Западного и Юго-Западного фронтов приняли участие в походе на территории Западных Украины и Белоруссии. В ходе этой акции было высажено несколько тактических воздушных десантов, проведенных без существенного противодействия со стороны разваливающейся польской армии. Первым настоящим боевым испытанием стало участие воздушно-десантных войск в советско-финской войне. Для участия в боевых действиях в Детское Село (под Ленинградом) были переброшены 214-я вдбр БОВО и 204-я вдбр КОВО. Личный состав разместился в казармах 201-й вдбр ЛВО.

Во время наступления на главную оборонительную полосу «линии Маннергейма» (так называемого «наступления под Сумма») 1 февраля 1940 года в тылу финских войск был высажен парашютный десант 201-й бригады. Операция окончилась неудачей: несмотря на 90 тысяч снарядов, выпущенных по вражеским позициям в ходе артподготовки и воздушную поддержку более чем ста боевых самолетов, серьезно потеснить противника не удалось. Упорный бой продолжался до наступления темноты, после чего советские войска отошли на исходные позиции. Десантникам, действующим в тылу, пришлось самим пробиваться на соединение с пехотой, что удалось далеко не всем...

204-я и 214-я бригады вошли в состав вновь сформированной 15-й армии под командованием командарма 2-го ранга М. П. Ковалева (15 февраля 1940 года). Обеим бригадам было предписано прибыть в Лодейное Поле, где десантники, встав на лыжи, совершили переход через замерзшую реку Свирь. Судьба их сложилась по-разному. 204-я (киевская) бригада была в качестве обычной пехоты брошена в бой против укреплений «Линии Маннергейма», где в тяжелейших боях почти полностью погибла. 214-я бригада вплоть до конца войны находилась [344] во втором эшелоне армии, ее участие в боевых действиях ограничилось небольшой стычкой с финским гарнизоном одного из островков у северного берега Ладоги (13 марта). Встретив сопротивление противника, десантники по приказу командования отошли. В дальнейшем бригада наступала в район Питкярант, где закрепилась. На этих позициях ее подразделения оставались до подписания перемирия.

Во время оккупации Прибалтики в середине июня 1940 года 214-я вдбр БОВО, спешно погрузившись на ТБ-3, прибыла в Лиду, а оттуда — в Шяуляй. Вечером того же дня бригада была высажена в Латвии, откуда через неделю по железной дороге переброшена в район Винницы. Вступив в ряды Южного фронта под командованием генерала армии Г. К. Жукова, 214-я вдбр

(«киевская» бригада после бойни на Карельском перешейке еще не успела полностью восстановить боеспособность) приняла участие в походе в Бессарабию и Северную Буковину, где самолеты ТБ-3 вновь провели выброску ряда тактических парашютных десантов.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны Советский Союз располагал пятью практически полностью сформированными воздушно-десантными корпусами, входившими в состав соединений окружного подчинения пяти военных округов европейской части СССР. Их дислокация и подчиненность были следующими:

в Прибалтийском особом военном округе (с 22 июня 1941 года — Северо-Западный фронт) числился 5-й вдк в составе 9, 10 и 201-й воздушно-десантных бригад;

в Белорусском особом военном округе (с 22 июня — Западный фронт) находился 4-й вдк в составе 7, 8 и 214-й вдбр; [345]

Киевский особый военный округ (Юго-Западный фронт) располагал 1-м вдк, в составе которого числились 1, 204 и 211-я вдбр;

кроме этого, два корпуса находились во «внутренних» округах на территории Украины: 2-й вдк (2, 3 и 4-я вдбр) в Харьковском ВО и 3-й вдк (5, 6 и 212-я вдбр) в Одесском. Столь высокая концентрация воздушно-десантных соединений на южном стратегическом направлении наглядно показывает сущность тогдашней наступательной доктрины Советского Союза: после начала войны высадить массированные воздушные десанты на территории Румынии, куда должен был быть направлен главный удар огромных сил Юго-Западного фронта. Эти невероятные по тем временам массы десантников вскоре должны были пополниться еще пятью корпусами (нумерация с 6-го по 10-й), дислоцированными преимущественно во все тех же западных округах: созданное в июне 1941 года Управление воздушно-десантных войск Наркомата обороны срочно взялось за их комплектование, сроком завершения которого была определена осень того же года. События 22 июня перечеркнули амбициозные планы советского командования — многочисленные и отлично подготовленные соединения ВДВ так и не пришлось применить по назначению.

С началом боевых действий на советско-германском фронте элитные воздушно-десантные формирования поначалу находились в тылу, но к осени, в связи с резким ухудшением обстановки и острой нехваткой резервов, были направлены на передовую в качестве пехотных соединений. Впоследствии Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о переформировании понесших большие потери или не полностью сформированных десяти воздушно-десантных корпусов в более мобильные и хорошо управляемые соединения, пригодные для [346] боевых действий на

сухопутном фронте. Летом 1942 года начался процесс расформирования всех вдж. Примерно три четверти их личного состава, управление и части корпусного подчинения направлялись на создание гвардейских стрелковых дивизий (из расчета одна дивизия на один корпус). Из сформированных таким образом в шестидневный срок (!) десяти дивизий девять направили на Сталинградский, а одну — на Северо-Кавказский фронт. Оставшиеся силы оставались в кадрах ВДВ — на их основе в будущем предполагалось развернуть ряд новых воздушно-десантных корпусов (третьего, а в некоторых случаях уже четвертого формирования), но фактически они использованы для укомплектования вновь создаваемых гвардейских воздушно-десантных стрелковых полков.

На этом боевой путь «классических» советских ВДВ практически завершился. За исключением крайне неудачных Вяземской (1942) и Днепровской (1943) операций советские десантники в своем настоящем качестве практически не применялись. Личный состав вновь сформированных осенью 1942-го восьми воздушно-десантных корпусов и трех маневренных воздушно-десантных бригад, как правило, наиболее хорошо подготовленный и отличившийся в бою, в конце года был направлен на укомплектование создававшихся гвардейских воздушно-десантных стрелковых полков {24}, аналогичных по своей организации и численности гвардейским стрелковым полкам. Наименование «гвардейский» было присвоено всем вновь формируемым частям в порядке признания выдающихся заслуг их предшественников в кампаниях 1941 — 1942 годов и [347] в качестве аванса за боевые заслуги в будущем. Гвардейские полки изначально предписывалось использовать в качестве ударных пехотных частей на наиболее ответственных участках фронта с сохранением возможности их использования при проведении воздушно-десантных операций. Например, три бригады вновь сформированного (уже в четвертый раз — после его преобразования в 38-ю гвардейскую стрелковую дивизию) 4-го вдж, находившегося в Тейковских лагерях, были превращены в полки. Кроме того, формировался артиллерийский полк и до десяти отдельных батальонов и рот.

Как и прежде, части и соединения ВДВ укомплектовывались преимущественно добровольцами (по призыву Центрального Комитета ВЛКСМ), в них существовал строжайший отбор, допускавший в ряды десантников только цвет «человеческого материала» армии. Личный состав отлично вооружался, обмундировывался и проходил тщательную боевую подготовку, в том числе парашютную (в ходе войны, когда воздушно-десантные дивизии направлялись на самые горячие участки и несли огромные потери, от первоначальных принципов их комплектования

поневоле пришлось отступить). Командиры готовились на Объединенных курсах усовершенствования командного состава ВДВ в подмосковном Нахабино. Таким образом, сохранялась теоретическая возможность применения воздушно-десантных частей по их прямому назначению.

Той же осенью 1942 года сформированные гвардейские полки стали сводиться в гвардейские воздушно-десантные дивизии — высшие оперативно-тактические единицы ВДВ, числившиеся в резерве Ставки ВГК. Их организационная структура и вооружение изначально предполагали основное использование этих соединений на сухопутном фронте в качестве отборной пехоты. Понятие «воздушно-десантный [348] корпус» более не применялось, в ходе боевых действий на сухопутных фронтах дивизии включались в состав обычных гвардейских стрелковых корпусов с «сухопутными» частями корпусного подчинения. В состав воздушно-десантных дивизий обычно входили стрелковые и артиллерийские части, подразделения специальных войск. Дивизионная, полковая и батальонная артиллерия имела до 90 стволов, в том числе и 120-мм дивизионные гаубицы. Каждое соединение получило отдельный истребительно-противотанковый дивизион (ОИПТД), вооруженный «сорокапятками». Вместо трех минометных дивизионов, числившихся ранее в вдк, были созданы полковые батареи 120-мм минометов, 76-мм полковых и 45-мм противотанковых пушек, а также роты 14,5-мм противотанковых ружей. При транспортировке орудий использовалась конная тяга. В 1942 году для этого применяли маленьких монгольских лошадок (76-мм пушки буксировали шесть таких лошадей вместо четырех по расчету), затем они были заменены на 2,5-тонные грузовые «студебеккеры». Все эти силы подчинялись командующему артиллерией дивизии.

Отдельный дивизионный медико-санитарный батальон (ОМСБ) включал в себя медицинскую роту и госпитальный взвод. Кроме того, в стрелковых полках числились санитарные роты, снабженные для действий в отрыве от медсанбата.

В числе прочих отдельных частей имелись учебный батальон, занимавшийся подготовкой младших, командиров (создан взамен бригадных школ младшего комсостава), и саперный батальон. Для придания особой ударной мощи этим дивизиям нередко придавались и танковые части. Всего было сформировано десять гвардейских вдд (с 1-й по 10-ю). Боевой путь этих соединений, уже не имевших ничего общего с силами специальных операций, подробно [349]

рассмотрен в книге «Воздушно-десантные войска во второй мировой войне».

Горькая судьба, постигшая советские ВДВ (как и всю армию) в летних сражениях 41-го года, заставила командование РККА позаботиться о сохранении уцелевших элитных частей — в августе практически все воздушно-десантные корпуса и отдельные части, за исключением увязших в обороне Киева на южном направлении, были выведены из состава фронтов и направлены в резерв Ставки ВГК. Новая концепция применения ВДВ предусматривала их использование в боевых действиях на важнейших направлениях в качестве отборной пехоты при сохранении возможности задействования в десантных операциях. Для осуществления общего руководства воздушно-десантными соединениями в конце августа 1941 года была введена должность командующего ВДВ, в чьих руках сосредоточены функции комплектования, боевой подготовки и вооружения воздушно-десантных войск, а также вопросы, связанные с непосредственным боевым применением десантных соединений. Первым пост командующего занял генерал-майор В. А. Глазунов. Этот шаг ознаменовал превращение воздушно-десантных формирований в самостоятельный род войск, что было официально закреплено приказом Ставки Верховного Главнокомандования в октябре 1941-го. В. А. Глазунов находился на должности командующего ВДВ до 1943 года, после чего его сменил генерал-майор А. Г. Капитохин, а в 1944 году командующим стал генерал-майор (с октября 1944 — генерал-лейтенант) И. И. Затевахин — бывший командир 212-й воздушно-десантной бригады 3-го корпуса. Последний исполнял обязанности командующего до 1946 года.

После тяжелого поражения, понесенного советскими войсками летом 1941-го, о широкомасштабных наступательных действиях пришлось надолго забыть. Началась длительная оборонительная война, которая потребовала создания огромных масс пехоты, артиллерии и танков. Узкоспециализированные части, в изобилии существовавшие в РККА перед июнем 1941 года (горнострелковые, горнокавалерийские, мотострелковые НКВД и прочие), к середине войны в массе своей исчезли, переродившись в общевойсковые соединения. Не избежали этой участи и ВДВ — значительная часть воздушно-десантных частей была перекована в пехоту и направилась в окопы Сталинграда. Но все же советское командование всегда отличало десантников и старалось по возможности беречь ценные кадры ВДВ и применять их по прямому назначению. Небольшие воздушные десанты с тактическими задачами высаживались и в начальный период войны.

4-й батальон 214-й вдбр 4-го вдк под командованием Ильи Полозкова, поступив в распоряжение нового командующего Западным фронтом Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (вступил в должность после смещения, ареста и расстрела генерала Павлова), летом 1941-го совершил первый с начала войны воздушный десант. Одна из рот батальона (командир — старший лейтенант Николай Романенко) получила задачу высадиться с

Климовичского [351] аэродрома в район сосредоточения немецких танков, остановившихся ввиду отсутствия топлива у поселка Горки в Могилевской области. Десант численностью 64 человека понес тяжелые потери еще перед началом выброски и во время ее проведения: операция проводилась в дневное время с использованием огромных тихоходных ТБ-3 без какого-либо истребительного сопровождения. Выброшенная группа парашютистов еще в воздухе была встречена плотным огнем стрелкового оружия. Оставшиеся в живых парашютисты, вооруженные бутылками с зажигательной смесью, сумели вывести из строя несколько танков, после чего, преследуемые противником, начали отход. В распоряжение советских войск в районе Климовичей вместе с командиром роты вышли лишь немногие. Как вспоминали участники десанта, после прибытия в штаб корпуса, расположенный под Климовичами, никто даже не спросил их о количестве уничтоженных немецких танков...

За организацию этой акции начальник ПДС бригады капитан Максим Коцарь был награжден медалью «За боевые заслуги», Иваненко и его люди были только отмечены в приказе. Затем по приказу Тимошенко 4-й батальон совершил еще несколько диверсионных парашютных десантов в районы Духовщины и Демидове. 10-я рота под командованием политрука Диденко и лейтенанта Иванченко была выброшена на железную дорогу у станции Торопа. После выполнения последней операции бойцы батальона отдельными группами вышли из боя, достигли линии фронта и были направлены под Энгельс, где понемногу собирались уцелевшие подразделения 4-го вдк.

Подобные операции были осуществлены под Киевом, Одессой, на Керченском полуострове и т. д. Одной из наиболее примечательных, хотя и очень небольшой по масштабам, акцией стала выброска штурмовой группы во время тактического морского десанта под Григорьевкой 22 сентября 1941 года. Десант был предпринят с целью нанесения отвлекающего удара по тылам группировки румынских войск, наступавших с северо-запада на Одессу (одновременно на сухопутном фронте в контрнаступление должны были перейти части Приморской армии, оборонявшие город). В 1 час 30 минут после полуночи вслед за бомбовым ударом в тылу румын (в районе деревень Булдинка и Шуцли) самолетами была высажена парашютная группа численностью 23 человека — все, что смогло наскрести советское командование в то время. Ее задачей было нарушение телефонной связи противника и проведение ряда налетов на небольшие военные объекты. Действия диверсантов увенчались полным успехом — румынские штабы охватила паника, усилившаяся после высадки основного, морского десанта (3-й полк морской пехоты при поддержке двух крейсеров и двух эсминцев).

В результате операции противник был отброшен от Одессы на 5 — 8 километров, потеряв на некоторое время наступательный порыв. Десантные части, в том числе оставшиеся в живых парашютисты, на следующий, день прорвались к боевым порядкам Отдельной Приморской армии.

Кроме этих акций, руководство РККА наметило широкое привлечение строевых воздушно-десантных частей к выполнению диверсионных заданий. П. А. Судоплатов, длительное время возглавлявший деятельность советских диверсантов, а во время войны в звании комиссара госбезопасности 3-го ранга занимавший должность руководителя Особой (разведывательно-диверсионной) группы при наркоме внутренних дел СССР (с 1942 года преобразована в 4-е Управление НКВД — НКГБ), вскользь упоминает в своей книге: «В 1942 году под мое начало [353] было передано отборное подразделение десантников. Им была придана эскадрилья транспортных самолетов и бомбардировщиков дальнего действия. На протяжении всей войны мы поддерживали тесное сотрудничество с командующим авиацией дальнего действия маршалом Головановым...»

Одной из важных составляющих этой деятельности являлась организация на базе многочисленных частей и соединений Красной Армии, попавших в окружение в первые месяцы войны, партизанских отрядов. Переход отрезанных войск на партизанские методы борьбы мог, во-первых, спасти их от неминуемого уничтожения противником, а во-вторых, развернуть в местах их расположения широкомасштабную диверсионно-саботажную деятельность. С этой целью в различные «котлы», находившиеся в тылу немцев, с парашютами выбрасывались отряды диверсантов, усиленные строевыми подразделениями десантников с тяжелым вооружением. Результаты этих намерений описывает тот же Судоплатов: «До августа мы предприняли несколько диверсионных операций по спасению частей Красной Армии, попавших в окружение, однако наши планы не удались: эти части оказались рассеянными и больше не могли быть базой для развертывания партизанской войны».

В осенних оборонительных сражениях под Москвой части ВДВ приняли ограниченное участие: их основные силы уже были выведены в резерв. Но свою лепту в оборону столицы десантники все-таки внесли. После неожиданного прорыва немецких танков и мотопехоты к Юхнову в первых числах октября авангард противника захватил важный мост на реке Угре, заняв плацдарм на ее восточном берегу. Этот успех немцев было необходимо ликвидировать любой ценой, поэтому к Угре был переброшен специальный отряд майора И. Г. Старчака, начальника [354] парашютно-десантной службы Западного фронта, численностью 400 человек. Отряд был сформирован 4 октября по личной инициативе Старчака из числа бойцов

пограничных войск НКВД, которые готовились к действиям по вражеским тылам.

В результате внезапной атаки отряда мост был взорван. После его уничтожения группа Старчака заняла оборону по берегу Угры; вскоре к ней присоединился сводный отряд курсантов подольских военных училищ под командованием капитана Я. С. Россикова и старшего лейтенанта Л. А. Мамчика. Все попытки наступающих немецких частей форсировать реку и прорваться на Медынь и далее к Москве успешно отражались действиями этих отрядов. Г. К. Жуков подвел такой итог действиям десантников: «В результате пятидневных боев немногие остались в живых, но своим героическим самопожертвованием они сорвали план быстрого захвата Малоярославца и помогли нашим войскам выиграть, необходимое время для организации обороны на подступах к Москве. Тем временем в районе Малоярославца, на его укрепленный рубеж, вышли и развернулись артиллерийское и стрелково-пулеметное училища Подольска».

Кроме дивизий, в основном предназначенных сражаться на сухопутных фронтах, в войну был сформирован ряд более мелких воздушно-десантных частей (в частности, отдельных бригад и батальонов), которые готовились исключительно для проведения десантно-диверсионных операций. На первые формирования такого рода легла серьезная боевая нагрузка еще во время битвы за Кавказ, где им пришлось противодействовать многочисленным специальным соединениям немецких вооруженных сил. Комиссар госбезопасности 3-го ранга Судоплатов, находившийся в это время на Кавказе, свидетельствует: «Сразу после нас в Тбилиси прибыла [355] группа опытных партизанских командиров и десантников, руководимая одним из моих заместителей, полковником Орловым. Они не дали немцам вторгнуться в Кабардино-Балкарию и нанесли им тяжелые потери перед началом готовящегося наступления».

Многочисленные акции по доставке в тыл противника диверсионных отрядов, сформированных ВДВ и пограничными войсками НКВД, провела сформированная в мае 1943 года 105-я отдельная эскадрилья ночной дальней разведки, укомплектованная американскими самолетами С 47 (от трех до пяти единиц в разное время). До мая 1944 года «дугласы» совершили 294 полета по доставке людей и грузов на оперативные аэродромы. Войдя затем в состав 2-й авиационной дивизии особого назначения, эскадрилья в течение лета выбросила в немецком тылу 213 разведчиков и диверсантов и 90 тонн различного снаряжения.

Участвовали парашютисты и в обеспечении высадки неудачного морского десанта в Южную Озерейку (февраль 1943-го), неожиданно приведшего к образованию известной «малой земли». Дело в том, что

десанты на западе Таманского полуострова планировались с целью оказания содействия войскам 47-й армии (Черноморская группа Северо-Кавказского фронта) в предполагаемом окружении и разгроме новороссийской группировки немецко-румынских войск. Основной десант направлялся в Южную Озерейку, отвлекающий — на побережье Цемесской бухты в районе Станички (окрестности Новороссийска). Высадка тесно увязывалась с действиями сухопутных войск и должна была состояться после того, как части 47-й армии прорвут оборону противника и оседлают важный в тактическом отношении перевал Маркотх. 1 февраля советские войска начали наступление, но оно было отбито немцами [356] и вскоре прекращено. Тем не менее командующий Северо-Кавказским фронтом приказал начать высадку двух бригад морской пехоты, одной стрелковой бригады и танкового батальона (около 17 000 человек) в Южную Озерейку и отряда особого назначения в Цемесскую бухту. Надлежащую подготовку в очередной раз провести не удалось. Утром 4 февраля 1-й эшелон десанта из Геленджика подошел к побережью, занятому подразделениями 10-й румынской пехотной дивизии и прикрытому батареями береговой обороны, причем сильный шторм задержал выход в море кораблей и судов, поставив под угрозу срыва сроки проведения операции. В тылу противника вслед за бомбовым ударом перед рассветом уже были высажены группы парашютистов из состава 31-го отдельного гвардейского воздушно-десантного полка общей численностью 57 человек (в населенных пунктах Глебовка и Васильевка) с задачей нарушить линии связи обороняющихся и организовать ряд засад и диверсий. На побережье в это время разворачивался тяжелый бой. Как писал Штеменко, «плохо организованное взаимодействие между кораблями флота и десантом, а главное, то, что огневые средства противника не были подавлены корабельной артиллерией, привело к плачевным результатам». Под сильным артобстрелом на берег к половине четвертого утра смогли высадиться только 1427 человек и 10 танков, с ходу захватившие Южную Озерейку. Суда со вторым эшелонем десанта, подошедшие из Туапсе, были встречены орудийным огнем и вернулись на базу.

Удержаться на побережье эти небольшие силы, конечно, не сумели и, не закрепив за собой базы высадки, стали пробиваться в северном направлении к Глебовке, где действовали парашютисты. Последние в связи с задержкой сроков соединения с морским десантом в это время попали в тяжелое положение: из Васильевки парашютисты были выбиты, а уцелевшие сосредоточились в Глебовке, заняв круговую оборону. Туда-то и вышли отрезанные от берега и основательно потрепанные подразделения морской пехоты. Объединенными усилиями десантники продержались в тылу

противника трое суток, после чего, понеся тяжелые потери и израсходовав боеприпасы, стали пробиваться в восточном направлении к Станичке. Несколько десятков человек из этой группы удалось снять с берега катерами, а около 900 человек вышли к плацдарму в Цемесской бухте.

Ближе к концу войны советские военачальники были достаточно научены горьким опытом и крупных воздушно-десантных операций в Европе не проводили, ограничиваясь высадкой небольших групп, выполнявших специальные задачи. Так, в сентябре 1944-го экипаж С-47 2-го транспортного авиаполка под командованием А. П. Дымова провел уникальную операцию по обнаружению и захвату на территории Болгарии поезда с немецкими дипломатами — сотрудниками посольства и военной миссии, эвакуировавшимися из Софии незадолго до вступления в нее советских войск. «Дуглас» сопровождали четыре бомбардировщика «Бостон» из 499-го полка. Состав был обнаружен у самой турецкой границы, в районе города Свиленград. Дымов сумел посадить самолет на небольшую площадку возле железной дороги. Десант, состоявший из 25 пограничников войск охраны тыла 3-го Украинского фронта под командованием подполковника И. З. Котелкова, занял станцию. На месте выяснилось, что поезд, ранее действительно находившийся здесь, только что выбыл в направлении греческой границы. При допросе болгарских железнодорожников выяснилось, что сотрудники германского посольства ожидали в Свиленграде получения турецких виз в течение недели, не покидая вагонов. Однако турки, 2 августа 1944 года разорвавшие дипломатические отношения с рейхом, под разными предлогами оттягивали выдачу виз. Израсходовав запасы продовольствия и получив известие об их розыске, немцы изменили первоначальные планы и направились к греческой границе.

Группа Котелкова, предварительно потребовав от служащих железной дороги заблокировать состав на ближайшем разъезде, организовала погоню, в результате которой поезд был задержан на станции Раковская. Весь состав посольства во главе с послом Бекерле и военным атташе полковником фон Хюльзенем был интернирован. Вместе с немцами в руки десантников попали некоторые лица из представительства Итальянской социальной республики и два сотрудника шведского посольства. Вскоре задержанных доставили в Добрич, где они были переданы в руки советских войск.

* * *

Беспрецедентное количество тактических воздушных десантов было высажено во время скоротечного советского «блицкрига» в Манчжурии. Правда, значительная часть войск в этой операции десантировалась посадочным способом, далеко не все солдаты и офицеры высаженных групп

относились к ВДВ, а сама высадка производилась в условиях отсутствия организованного сопротивления японских войск.

Как известно, 9 августа 1945 года началось массированное вторжение войск трех советских фронтов: Забайкальского (с северо-запада) и двух Дальневосточных (с севера и востока) при поддержке монгольских вооруженных сил — на территорию оккупированной японцами части Китая. В течение недели многократно превосходящие противника в количественном и качественном отношении советские войска разгромили противостоящие им части японской Квантунской армии и формирования марионеточных государств Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии, прорвали линию мощных пограничных укрепленных районов и вышли на оперативный простор в глубине маньчжурской территории. 17 — 19 августа японцы, получившие к тому же из Токио приказ императора о капитуляции, начали массовую сдачу в плен.

Однако ситуация осложнялась рядом факторов. Многие японские гарнизоны, в том числе довольно крупные, занимавшие опорные пункты в различных городах и окруженные пустыней, не получили приказа о сдаче. Некоторые командиры отказались выполнять распоряжение штаба Квантунской армии о капитуляции. Кроме того, существовала опасность уничтожения или вывоза архивов, военно-промышленного оборудования и других материальных ценностей в Японию (на море продолжал господствовать японский флот). Быстрое продвижение в удаленные от линии фронта районы колонн сухопутных войск не представлялось возможным в связи с огромными размерами театра военных действий. Чтобы ускорить процесс сдачи, в короткие сроки принять официальную капитуляцию и пресечь деятельность, противоречащую ее условиям, в ключевые пункты, занятые крупными гарнизонами противника, было намечено осуществить высадку воздушных десантов. Поддержка их действий возлагалась на армейские передвижные передовые отряды, выдвинутые далеко вперед и имевшие в своем составе сильные подразделения танков и броневедомостей. Для официального принятия капитуляции группы десантников возглавляли высокопоставленные офицеры штабов соответствующих объединений Красной Армии. Для предупреждения больших потерь эти силы были направлены в тыл японцам только после формального приказа о прекращении сопротивления, отданного главкомом Квантунской армией генералом Отодзо Ямадой (Otozo Yamada) в 17 часов 17 августа.

Забайкальский фронт (командующий — Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский), действовавший вместе с монгольской армией и

проводивший Хингано-Мукденскую наступательную операцию, обеспечил высадку десантов в следующие районы:

16 августа — в город Тунляо (опорный пункт 2-й японской пехотной дивизии). В составе десанта и в авангарде моторизованных частей фронта действовали подразделения 1-й гвардейской воздушно-десантной дивизии;

19 августа — в расположенный неподалеку Шуан-ляо (дислоцирована 63-я пд). В оба этих района в скором времени подошли подвижные части 5-го гвардейского танкового корпуса 6-й гвардейской танковой армии;

19 августа десант вылетел в Чанчунь, где располагался штаб Квантунской армии. Перед его вылетом, на рассвете, на самолете С-47 в сопровождении четырех офицеров и шести солдат охраны туда же направился особоуполномоченный штаба Забайкальского фронта полковник И. Т. Артеменко, которому предстояло принять капитуляцию гарнизона (148-я пехотная дивизия) и всех других японских войск, [361] находящихся в окрестностях города. Воздушный эскорт составляло звено истребителей.

Группа Артеменко неожиданно появилась над Чанчуньским центральным аэродромом, где базировалось около 300 самолетов противника. «Дуглас» вместе с истребителями сделал несколько кругов, после чего пошел на посадку. Советские самолеты заняли взлетную полосу и некоторое время держали аэродром под прицелом своего оружия. Убедившись, что обстановка не является угрожающей, Артеменко передал условленный сигнал на вылет в Чанчунь основного десанта, а сам направился в штаб командующего Квантунской армией генерала Ямады.

В разгар переговоров с последним (Артеменко появился в штабе во время совещания) над городом появились транспортные самолеты и бомбардировщики сопровождения. Генерал первым снял саблю и передал ее советскому представителю, признавая себя военнопленным. То же самое сделали и другие японские генералы, находившиеся в кабинете. К 11 часам дня на городском аэродроме высадились главные силы десанта из состава 30-й гвардейской механизированной бригады под командованием гвардии майора П. Н. Авраменко. Десантники сняли сложившую оружие японскую аэродромную охрану, заняли круговую оборону и приступили к разоружению частей Квантунской армии и маньчжурских войск. За это время генерал Ямада и премьер-министр Маньжоу-Го подписали акт о полной капитуляции. Вечером над штабом армии был спущен японский флаг и поднят советский. Подразделения десанта заняли банк, почту, радиостанцию, телеграф и железнодорожный узел. Войска противника выводились из города (правда, дом, где находился Артеменко и его штаб, во избежание терактов находился под охраной специально выделенного особого самурайского [362] взвода; часовым у входа, по древней японской традиции,

встал маленький внук Ямады). Утром 20 августа в город вошли авангарды 6-й гвардейской танковой армии.

Вечером того же дня десант (225 человек вместе с особоуполномоченным — начальником политотдела штаба Забайкальского фронта генерал-майором А. Д. Притулой) высажен в столицу государства Манчжоу-Го Мукден (Шэньян). На аэродроме десантников вышли встречать начальник японского гарнизона (130-я пехотная бригада) и представитель маньчжурского императора. При осмотре аэродромных помещений был неожиданно обнаружен и сам император Пу И, который вместе со свитой и советниками готовился к отлету в Японию. Последний был немедленно интернирован, причем десантники после занятия города во избежание каких-либо неожиданностей поместили его в тюрьму под усиленной охраной — потребовалось личное вмешательство маршала Василевского, чтобы император был переведен в более комфортабельную резиденцию. Впоследствии Пу И на транспортном самолете С-47 был вывезен в Советский Союз.

С. М. Штеменко, принимавший участие в планировании этих операций, так описывает последовавшие за десантом события: «Положение в Мукдене было очень сложным. Население города составляло 1 700 000 человек, из них 70 000 японцев (не считая отходившие сюда войска) и около полутора тысяч русских белоэмигрантов. В городе функционировали немецкое консульство и даже «фюрер» немецко-фашистских организаций. На ходу были 180 различных промышленных предприятий, в том числе авиаремонтный и танкоремонтный заводы...

Управиться в таком городе 225 десантникам было просто неважоту. На следующий день к ним прибыло подкрепление. Но даже и тогда советский гарнизон [363] в Мукдене насчитывал всего тысячу человек, а разоружать ему пришлось 50 000 японских солдат. Инцидентов при этом не произошло, но забот было по горло».

Размещенные в городе основные силы японской 130-й пехотной бригады и маньчжурской гвардии капитулировали и были разоружены с помощью подоспевшего передового отряда 5-го гв. тк. С 20 августа в Мукдене стала действовать советская «десантная» военная комендатура во главе с генерал-майором А. И. Ковтун-Станкевичем. В тот же день над центром города появился американский самолет и сбросил листовки с обращением союзного командующего в Китае к генералам японской армии. В листовках сообщалось, что «... американское военное командование, стремясь установить связь с солдатами и офицерами союзных войск, оказавшимися в японском плену, намеревается высадить на Мукденский аэродром своих представителей. Притом оговаривалось, что никаких иных

целей эти представители не преследуют, и предлагалось в случае согласия выложить белое полотнище. Наши солдаты полотнище выложили. Американский самолет приземлился. Каково же было удивление прибывших, когда их встретили советские военнослужащие».

После завершения разгрома и пленения основных сил Квантунской армии в материковой части Китая воздушные десанты 21—22 августа высадились на территорию принадлежащего с 1905 года Японии Гуаньдунского полуострова: соответственно в Дайрене (Даляне, или Дальнем) и Люйшуне (бывший Порт-Артур), где подавили последние очаги сопротивления врага. Выходом к морскому побережью у Люйшуня передовых частей 6-й гв. ТА завершились боевые действия Забайкальского фронта в стратегической Манчжурской операции. Высадку 364] воздушных десантов обеспечивали части ВТА 12-й воздушной армии.

1-й Дальневосточный фронт, под командованием Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова осуществлявший так называемую Харбине-Гириинскую операцию, в свою очередь (с использованием транспортных самолетов 9-й воздушной армии), направил группы десантников в следующие объекты:

18 августа — в важный административный центр Манчжоу-Го Харбин (вторая волна десанта высажена 20 августа), при поддержке кораблей и катеров Сунгарийской речной флотилии. Первая группа десантников численностью 120 человек под командованием подполковника Забелина поднялась в воздух с аэродрома Хороль в 17 часов. В задачу десанта входили захват Харбинского аэродрома и некоторых других военных объектов, обеспечение сохранности мостов на Сунгари и их удержание до подхода главных сил. С первым эшелоном десанта вылетел заместитель начальника штаба 1-го Дальневосточного фронта генерал-майор Г. А. Шелахов, назначенный особоуполномоченным Военного совета фронта. В обязанности генерала входило предъявление японскому командованию в Харбине ультиматума о капитуляции. Кроме того, ему было предписано выяснить судьбу членов советского консульства в городе, интернированных в начале войны. Ситуация осложнялась тем, что к Харбину отходили понесшие поражение в приграничных боях главные силы 1-го фронта Квантунской армии.

В 19 часов десант, большую часть которого составляли пограничники из особых частей по охране тыла фронта, высадился на Харбинском аэродроме и неожиданно обнаружил находящегося там начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Х. Хата (Hata). Во время кратких переговоров Шелахов передал ему ультиматум, после чего японцы [365] запросили три часа на подготовку необходимых материалов. В 23 часа десантники взяли

под охрану (скорее символическую) все намеченные военные объекты, в том числе мосты и здание консульства, куда прибыл сам Шелахов. Там же находился советский консул Г. И. Павлычев. К 23 часам в этот импровизированный штаб прибыл командующий 4-й японской армией генерал-лейтенант У. Микио (Mikio), доставивший приказ о капитуляции всех японских войск в Манчжурии, именные списки генералов и сведения о численном составе Харбинского гарнизона.

19 августа в 7 часов утра Хата с группой сопровождающих генералов и офицеров на советском самолете С-47 были отправлены на КП командующего 1-м ДФ К. А. Мерецкова (вместе с японским консулом в Харбине Миякавой — Miyakawa), где оформили окончательные условия капитуляции Квантунской Армии. Туда же прибыл главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский. Согласно достигнутой договоренности, сдача в плен и разоружение всех наличных частей японской армии и флота должны были закончиться не позднее 12 часов 20 августа. Это послужило сигналом для целой волны десантов во все ключевые пункты Манчжурии и севера Кореи:

20 августа — в Гирин (дислоцировалась 138-я пехотная дивизия) при поддержке подвижных соединений 10-го механизированного корпуса;

23 августа — на линию укреплений южнее Дунь-хуа (заняты 79-й и 127-й пехотными дивизиями 3-й японской армии) и в близко расположенный город Тумынь (входил в Кенхынский укрепленный район). Вскоре к этим пунктам вышли авангарды 25-й Советской Армии.

После захвата этих объектов боевые действия были перенесены на территорию Кореи, где 22 августа [366] был высажен морской десант (в порту Вонсан). Для его поддержки с парашютами и посадочным способом отряды войск 1-го Дальневосточного фронта 24 августа десантировались в районы:

— Хамхына (Канко), где размещались основные силы 59-й и 137-й японских пехотных дивизий. В дальнейшем высаженные войска соединились с подошедшими мобильными группами 25-й армии и начали продвижение к Вонсану и далее на юг;

— столицы Кореи Пхеньяна (дислоцирован штаб 34-й японской армии). В дальнейшем во взаимодействии с 25-й армией десант наступал в направлении Сеула.

Все посадочные десанты, высаженные в сентябре, проводились группами Ли-2 и С-47 (от двух до десяти машин каждая). В 9-й воздушной армии этим занимался сводный отряд из семи С-47. Кроме этого, транспортники обеспечивали пополнение запасов горючего и боеприпасов в подвижных танковых и моторизованных отрядах, совершавших

стремительные глубинные рейды для поддержки десантников. Темпы продвижения этих групп были столь высоки, что их снабжение могла проводить только авиация (Ли-2 мог брать на борт до 10 бочек солянки, С-47 — 12 бочек).

Во время боев по овладению территорией Южного Сахалина с целью оказания содействия войскам 56-го стрелкового корпуса 16-й Советской Армии (командующий — генерал-лейтенант Л. Г. Черемисов), ведущим бои против 88-й усиленной пехотной дивизии, составлявшей гарнизон японской части острова, 255-я смешанная авиационная дивизия ВВС 2-го Дальневосточного фронта высадилась два тактических парашютных десанта. Исход сражения был практически предрешен заранее: советские войска обладали значительным превосходством (в танках — абсолютным), кроме того, имели полное [367]

господство на море и в воздухе. Но японцы по традиции сражались яростно, поэтому через две недели после начала операции, 24 августа, на южной оконечности острова выбросили до батальона парашютистов из состава 113-й стрелковой бригады. Первая группа высадилась у селения Отиай, в тылу последнего Сакаэхамского оборонительного рубежа противника (к нему как раз подошли наши танки и пехота 56-го ск). Совместными действиями десантников и наземных войск японские позиции были быстро прорваны, открыв дорогу к административному центру Южного Сахалина — Тойохаре (ныне Южно-Сахалинск).

Вторая группа была выброшена непосредственно у Тойохары. В ее задачу входило содействие основным силам 113-й стрелковой бригады и сводного батальона морской пехоты Тихоокеанского флота, перешедших морем из порта Советская Гавань и высадившихся поочередно в Маока (20 августа), Хонто (24 августа) и Отомари (залив Анива, 25 августа). Тойохара была отрезана от моря, эвакуировать остатки своих сил на Хоккайдо японцы не сумели. При поддержке десантных сил и кораблей Тихоокеанского флота основная ударная группа советских войск утром 25 августа ликвидировала последние очаги сопротивления императорской армии и вошла в Тойохару, пленив в общей сложности более 18 000 солдат и офицеров противника.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Личный состав ВДВ всю войну отличался высочайшей степенью боевой выучки и храбростью. Об этом ясно говорит тот факт, что действующие против десантников немецкие части почти никогда не пытались захватить «языков» из их числа (в 1-й гвардейской дивизии, например, первый случай такого рода отмечен только в начале 1945 года, во время оборонительных действий по берегам реки Грон в Чехословакии. Причем тогда в плен попала сама немецкая разведгруппа).

Итак, к концу второй мировой войны, как и перед ее началом, Советский Союз располагал наиболее мощной в мире группировкой воздушно-десантных войск — девятью дивизиями. Все соединения получили наименование гвардейских и приобрели огромный боевой опыт в сражениях Великой Отечественной (196 солдат и офицеров ВДВ получили звание Героя Советского Союза). Признавал их мощь и противник: германская разведка сообщала, что парашютные части Красной Армии «представляют собой лучший образец советской пехоты».

Комментируя эти слова, можно добавить, что к середине Великой Отечественной гвардейские воздушно-десантные дивизии прошли ту же эволюцию, что и сейчас, в 90-е годы: превратились в обыкновенную хорошую пехоту, которую и учили, за редким исключением, уже как пехоту, и использовали вместо стрелковых частей. О широкомасштабных десантных операциях после Вязьмы забыли надолго. Во время войны десантники, превращенные в ударные отряды, несли огромные потери: не только в ротах, но и в батальонах после боев часто оставалось по 15 — 20 активных штыков с одним офицером. С ВДВ произошло то же, что и с военно-морским флотом СССР — практически лишены возможности с 1942 года действовать по прямому назначению, они истратили драгоценные высокопрофессиональные кадры в мясорубке сухопутных фронтов. В. Н. Пигунов, в прошлом офицер-минометчик 13-го полка 1-й гвардейской вдд, в своих мемуарах написал: «..., в 1943 году на Северо-Западном фронте в тяжелейших условиях лесисто-болотистой местности все 10 воздушно-десантных дивизий действовали как стрелковые соединения. Но ведь предназначались они для парашютных десантов по тылам врага. С большими трудностями были подготовлены десятки тысяч парашютистов-десантников. А обучать бойца крылатой пехоты — это не одно и то же, что подготовить рядового стрелка.

Верховное Главнокомандование, несомненно, знало, что для парашютного десанта в тыл врага даже одной воздушно-десантной дивизии у нас не было транспортной авиации. Там, наверху, также знали, что парашютисты-десантники пойдут на самопожертвование, но любую задачу выполнят.

Не зря же всем этим дивизиям без каких-либо боевых заслуг авансом присваивалось гвардейское звание».

Английский историк Э. Молло так охарактеризовал действия советских ВДВ в 1941 — 1945 годах: «В течение второй мировой войны был предпринят ряд амбициозных воздушно-десантных операций, которые были подробно спланированы и частично выполнены, но под влиянием различных трудностей, включая нехватку достаточного количества транспортной авиации, плохую погоду и отсутствие воздушной поддержки, все они не

стали особенно успешными». К этим словам можно добавить, что обе крупные высадки парашютных десантов (под Вязьмой и у Канева на Днепре) готовились скоропалительно, с расчетом на русский авось и проводились крайне неорганизованно, в результате чего отборные формирования ВДВ попадали в мясорубку и нередко уничтожались по частям.

С 1946 года началась активная работа по превращению имевшихся пресловутых «стрелковых» соединений ВДВ в подлинно воздушно-десантные со своими особыми тактикой действий, характером боевой подготовки и традициями. Все имеющиеся соединения прошли очередное переформирование, избавившись от пережитков общевойсковой организации. Работа эта в основном завершилась к началу 70-х, когда значительно сокращенные силы «крылатой пехоты» стали элитой Советской Армии, наиболее надежными и боеспособными ее частями.